Научная статья
УДК 321.01:004.77

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СУВЕРЕНИТЕТА: ОТ ВЕРХОВНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ К РАСПРЕДЕЛЁННЫМ ФОРМАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Сабитова Альфия Рашитовна, кандидат философских наук, Уфимский университет науки и технологий, Россия, Уфа, northledger68@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается изменение философского содержания понятия суверенитета в условиях развития наднационального регулирования и усиления негосударственных центров власти. Исследовательская проблема состоит в определении соотношения юридически признанного политического верховенства и фактической способности обеспечивать исполнение общеобязательных решений. Посредством сравнительного анализа концепций Ж. Бодена, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и К. Шмитта выявлены различия в понимании носителя суверенитета, пределов его полномочий и оснований политического подчинения. Рассмотрена критика суверенного решения в философии Дж. Агамбена и Ж. Деррида. Предложена концептуальная модель, учитывающая верховную компетенцию, степень её абсолютности, территориальность, а также внутреннее и внешнее измерения политической власти. На её основе исследованы отношения между государственными институтами, наднациональными организациями и цифровыми платформами. Обосновано положение о том, что распределение управленческих функций не обязательно сопровождается передачей суверенной компетенции. Показано различие между юридическим статусом суверена и материальными условиями реализации его решений. Установлены критерии разграничения государственного суверенитета, делегированных полномочий и негосударственного инфраструктурного контроля. Полученные результаты уточняют пределы применения понятия суверенитета к современным формам

политической организации.

Ключевые слова: суверенитет; политическая власть; легитимность; территориальность; государство; цифровые платформы; распределённая власть.

Original article

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY: FROM SUPREME TERRITORIAL AUTHORITY TO DISTRIBUTED FORMS OF POLITICAL POWER

Sabitova Alfiia Rashitovna, Candidate of Philosophical Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, northledger68@mail.ru

Abstract. The article examines the transformation of sovereignty in the context of supranational governance and the growing influence of non-state actors. The central research problem concerns the relationship between legally recognized supreme political authority and the actual capacity to implement binding decisions. Through a comparative analysis of Jean Bodin, Thomas Hobbes, Jean-Jacques Rousseau, and Carl Schmitt, the study identifies differences in the understanding of sovereign authority, its limitations, and the grounds of political obligation. Giorgio Agamben's and Jacques Derrida's critical interpretations of sovereign decision-making are also considered. A conceptual framework is proposed to compare the holder of sovereignty, the scope of supreme authority, territoriality, and the internal and external dimensions of political rule. This framework is applied to relations between states, supranational institutions, and digital platforms. The analysis demonstrates that the distribution of governmental functions does not necessarily entail the transfer of sovereign authority. A distinction is established between the legal status of the sovereign and the material conditions required to implement political decisions. The findings clarify the conceptual boundaries between state sovereignty, delegated authority, and non-state infrastructural power, contributing to contemporary debates in social and political philosophy.

Keywords: sovereignty; political authority; legitimacy; territoriality; state; digital platforms; distributed power.

Введение. Суверенитет сформировался в европейской политической философии Нового времени как понятие, выражающее верховенство государственной власти по отношению к другим участникам политического порядка. Его становление сопровождало преодоление средневековой множественности властных притязаний и утверждение централизованной государственности. Вместе с тем содержание суверенитета никогда не исчерпывалось независимостью правителя. Вопрос о высшей власти неизбежно затрагивал происхождение политических обязательств, правомерность принуждения и способность государства обеспечивать единство общества.

Различия между классическими теориями обнаруживаются прежде всего в определении носителя верховной власти. Для Бодена существенное значение имела самостоятельность государственной компетенции; Гоббс связывал политическое единство с авторизацией общего представителя; Руссо рассматривал суверенитет как неотчуждаемое свойство народа. Впоследствии Шмитт перенёс внимание на чрезвычайные обстоятельства, при которых обнаруживаются пределы действующего правопорядка. Эти концепции объединяет стремление установить основания окончательного политического решения, однако их нормативные предпосылки существенно различаются.

Современные изменения общественной организации осложнили традиционное понимание суверенитета. Международные обязательства, наднациональные институты и трансграничные экономические отношения ограничивают самостоятельность государственных решений. Дополнительные трудности возникают вследствие зависимости публичной власти от цифровых инфраструктур, принадлежащих негосударственным организациям. При этом государство может сохранять признанную верховную компетенцию, не располагая всеми средствами, необходимыми для непосредственного

осуществления своих полномочий.

В современной исследовательской литературе указанное противоречие получает различные объяснения. Д. Филпотт предлагает рассматривать исторические формы суверенитета через его носителя, степень абсолютности и соотношение внутреннего и внешнего измерений [1]. В отечественной философии самостоятельность государства исследуется также в связи с национальной безопасностью и условиями сохранения политического единства [2]. Различие подходов свидетельствует о необходимости отделить юридическое положение верховной власти от её фактических возможностей.

Особенно отчётливо данная проблема проявляется в деятельности цифровых платформ. Владельцы коммуникационных систем способны устанавливать правила доступа к информационным ресурсам, определять условия цифрового взаимодействия и принимать решения, затрагивающие публичные интересы. Однако наличие значительных управленческих возможностей не позволяет автоматически признавать соответствующие компании суверенными субъектами. Необходимо установить, обладают ли они самостоятельным правом общеобязательного политического решения либо осуществляют власть над принадлежащей им инфраструктурой.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей изменения понятия суверенитета посредством сопоставления классических политико-философских концепций с современными формами распределения властных полномочий.

Основной исследовательский вопрос состоит в том, изменяется ли принадлежность суверенитета при распределении управленческих функций между государственными, наднациональными и негосударственными организациями либо преобразуются преимущественно условия его осуществления.

Научная новизна работы заключается в сопоставлении концепций суверенитета по единой системе признаков и обосновании различия между

юридически признанной верховной компетенцией и фактической способностью реализовывать политические решения. Предлагаемое разграничение позволяет уточнить характер негосударственной власти, не отождествляя её влияние с приобретением суверенного статуса.

Обзор литературы. Современные исследования суверенитета сосредоточены на переосмыслении классических теорий верховной власти, анализе чрезвычайного политического решения и определении границ государственного управления в цифровой среде. Принципиальное значение имеет отказ от упрощённого представления о классическом суверенитете как юридически и нравственно неограниченном господстве.

Э. Арум и Дж. М. Тессароло, рассматривая политико-теологические основания концепции Бодена, показывают, что признание абсолютной государственной власти сочеталось у французского мыслителя с представлением о нормативных ограничениях, вытекающих из естественного и божественного закона [3]. Следовательно, абсолютность и произвольность не могут рассматриваться как тождественные характеристики суверенитета. Е. Х. Одзук выявляет внутреннюю сложность гоббсовской авторизации, обращая внимание на соотношение политического представительства, обязательности подчинения и сохраняемых прав подданных [4].

Иной аспект самостоятельности государства раскрывается в отечественной философской литературе. В. Л. Бондарев и А. В. Леонов рассматривают идею суверенитета в философии неоевразийства, связывая её с культурно-историческими основаниями политического существования [5]. Вместе с тем цивилизационная самостоятельность не совпадает полностью с государственно-правовым верховенством, что требует разграничения данных понятий.

В исследовании К. Макмахона проблема общей воли Руссо рассматривается через различие коллективного политического интереса и совокупности индивидуальных предпочтений [6]. Такой подход позволяет

уточнить нормативную природу народного суверенитета и не сводить его к формальному выражению позиции большинства. С. Боттичелли и И. Дальмау исследуют современную философскую критику суверенитета, сопоставляя генеалогический подход М. Фуко с философией Ж. Деррида [7]. Их работа представляет особый интерес для анализа противоречий между представлением о едином носителе власти и исторической изменчивостью механизмов политического управления.

В российской политической науке С. В. Володенков и С. Н. Федорченко связывают цифровой суверенитет с инфраструктурными, технологическими и организационными условиями самостоятельности общественно-политических коммуникаций [8]. Исследование показывает значение технических возможностей государственного управления, но одновременно ставит вопрос о различии между обеспечением суверенитета и его юридической принадлежностью.

Особое место занимает монография К. Адэр-Тотеффа, посвящённая политической теологии Шмитта. Автор рассматривает связь чрезвычайного положения с кризисом конституционного порядка и критикой либеральной демократии [9]. Нормативные трудности цифрового суверенитета анализируют М. Браун и П. Хуммель, предлагающие различать абсолютную, воплощённую и институциональную стороны верховной власти [10].

С. А. Спартак рассматривает основные концепции цифрового суверенитета в российской и зарубежной исследовательских традициях [11]. Более широкую сравнительную картину предлагают С. Фратини и соавторы, которые на основе анализа 271 научной публикации выделяют четыре модели цифрового суверенитета, различающиеся основаниями и способами регулирования [12]. Э. Репетто, изучив 240 работ, обращает внимание на разнообразие участников, которых в научной литературе считают носителями цифрового суверенитета, и на необходимость уточнения самого понятия [13].

Проблема негосударственного верховенства получила дальнейшее

развитие в исследовании Ч. Х. Чунга и Б. Дж. Дитриха. Авторы вводят понятие корпоративного квазисуверенитета для характеристики технологических компаний, способных самостоятельно принимать решения с существенными политическими последствиями [14]. Однако функциональное сходство с государственными институтами ещё не удостоверяет наличие собственной верховной политической компетенции.

Таким образом, современная литература раскрывает различные стороны изменения суверенитета, но сопоставление исторических и новейших форм власти требует общей системы критериев. Без неё расширение негосударственного влияния может ошибочно интерпретироваться как возникновение новых суверенных субъектов.

Организация и методология исследования. Исследование носит теоретический характер и относится к области социальной и политической философии. Источниковую основу составляют научные публикации, посвящённые историческим концепциям суверенитета, политической теологии, наднациональному регулированию и цифровой власти.

Методологическое основание образует сравнительный анализ политико-философских понятий, дополненный исторической реконструкцией и исследованием нормативных оснований власти. Сопоставление классических концепций проводится по единой системе признаков, позволяющей установить различия между носителем суверенитета, объёмом его компетенции и условиями осуществления политического решения.

Исходными параметрами служат носитель верховной власти, её абсолютность, территориальность, внутреннее и внешнее измерения. Абсолютность понимается как окончательность компетенции в определённой области, а не как отсутствие любых нормативных ограничений. Территориальность характеризует пространственные пределы государственной власти. Внутреннее измерение означает верховенство государственной власти над субъектами, находящимися под её юрисдикцией, внешнее — независимость

в отношениях с другими государствами.

Для рассмотрения современных негосударственных организаций дополнительно учитываются основания легитимности и способность обеспечивать исполнение решений. Такое расширение сравнительной модели необходимо, поскольку влияние цифровых платформ и частных организаций может быть значительным даже при отсутствии у них собственного публично-правового верховенства.

При анализе Бодена, Гоббса и Руссо внимание сосредоточено на происхождении и принадлежности суверенной компетенции. Теория Шмитта рассматривается в связи с проблемой чрезвычайного решения, а современные формы власти — с точки зрения различия между правом политического верховенства и материальными средствами его осуществления.

Результаты исследования и их обсуждение. Формирование классической теории суверенитета было связано с необходимостью определить, на каком основании политические решения становятся обязательными. Религиозные и гражданские конфликты XVI–XVII вв. обнаружили противоречия между множественностью властных притязаний и потребностью в едином государственном порядке. Боден и Гоббс предложили различные способы разрешения данной проблемы, исходя из необходимости существования верховной инстанции, решения которой не могут произвольно отменяться подчинёнными органами.

В «Шести книгах о государстве» (1576) Боден определил суверенитет через постоянство и абсолютность государственной власти. Постоянство отличает верховную компетенцию от временно предоставленных полномочий должностных лиц. Абсолютность означает самостоятельность в установлении положительного закона, но не освобождает правителя от всех нормативных обязанностей. Исследование Арума и Тессароло [3] показывает, что политическая философия Бодена предполагала существование универсального правового порядка, ограничивающего действия человеческого суверена.

Следовательно, верховенство внутри государства не равнозначно праву на неограниченный политический произвол.

Гоббс перенёс вопрос о суверенитете в область учреждения политического представительства. Согласно XVI–XVIII главам «Левиафана» (1651), множество отдельных людей образует политическое единство посредством авторизации общего представителя. Суверен действует от имени объединённого сообщества, а обязательность его решений связана с признанием данного представительства. Таким образом, правомочность верховной власти объясняется происхождением политических обязательств, а не только наличием средств принуждения.

Подобная конструкция не устраняет противоречий между государственным верховенством и правами подданных. Гоббс сохраняет за человеком естественное стремление к самосохранению, которое приобретает значение при рассмотрении пределов повиновения. Е. Х. Одзук [4] указывает на внутреннюю сложность авторизации, не позволяющую свести отношения между сувереном и подданными к безусловному отказу личности от всех самостоятельных правомочий. Следовательно, абсолютность государственной власти должна рассматриваться с учётом оснований, ради которых учреждается политический порядок.

Руссо предложил иной ответ на вопрос о носителе суверенитета. В трактате «Об общественном договоре» (1762) верховная власть принадлежит народу как коллективному политическому субъекту и выражается посредством общей воли. Правительство осуществляет исполнительные функции, но не становится самостоятельным обладателем народного суверенитета. Последний не может быть отчуждён, поскольку право устанавливать общие основания политического существования не передаётся представителю как обычное административное полномочие.

Принципиальное значение имеет различие общей воли и воли всех. Первая относится к общему интересу политического сообщества, тогда как вторая может выражать совокупность несовпадающих частных предпочтений. К.

Макмахон [6] рассматривает данное различие в связи с нормативными основаниями политического сотрудничества. Оно позволяет установить, почему воля большинства не обязательно приобретает характер общего политического самоопределения.

Сравнение названных концепций обнаруживает устойчивое содержание суверенитета при различии способов его обоснования. Боден связывает верховенство с самостоятельностью законодательной компетенции, Гоббс — с авторизацией политического представителя, Руссо — с неотчуждаемой общей волей народа. Во всех случаях определяющим остаётся право окончательного решения, которое не может быть сведено к временному осуществлению подчинённых управленческих функций.

Иной смысл политическое верховенство приобретает у Шмитта. В «Политической теологии» (1922) суверенитет определяется посредством решения о чрезвычайном положении. В обычных условиях компетенция государственных институтов устанавливается действующими правовыми нормами. В исключительной ситуации возникает вопрос о том, кто способен определять пределы действия правопорядка.

К. Адэр-Тотефф [9] рассматривает данную концепцию в контексте шмиттовской критики либерального конституционализма. Чрезвычайное решение не может быть полностью выведено из содержания нормы, поскольку затрагивает условия её действия. Однако способность приостанавливать правовые процедуры ещё не удостоверяет легитимности соответствующего решения.

Исторический контекст шмиттовской философии имеет самостоятельное значение. Его критика парламентаризма развивалась в условиях кризиса Веймарской республики, а после 1933 г. мыслитель участвовал в юридическом обосновании национал-социалистического режима. Поэтому теоретическое исследование чрезвычайной компетенции необходимо отделять от оправдания неограниченного политического господства.

Критика суверенного решения получила дальнейшее развитие в философии Агамбена и Деррида. Агамбен исследовал возможность включения человека в политический порядок посредством исключения из обычных правовых гарантий. Деррида рассматривал противоречие между притязанием суверенной власти на самодостаточность и зависимостью её существования от признания и отношений с другими участниками политического порядка. В исследовании Боттичелли и Дальмау [7] эти трудности раскрываются через сопоставление современных философских подходов к проблеме суверенитета.

Из рассмотренных концепций следует различие между правом устанавливать обязательный порядок и фактической возможностью действовать за пределами существующих норм. Верховная власть может обладать значительными принудительными средствами, однако их наличие не освобождает её от необходимости обосновывать правомерность собственных решений.

Таблица 1. Сравнительная характеристика концепций суверенитета

Концепция	Носитель верховной власти	Характер компетенции	Территориальность и пределы власти
Ж. Боден	Носитель высшей государственной власти	Постоянное законодательное верховенство, ограниченное высшими нормативными основаниями	Государственный порядок; внутренняя самостоятельность верховной власти
Т. Гоббс	Авторизованный представитель политического сообщества	Полномочия по обеспечению мира и общего порядка	Единство политической организации; независимость суверенного представителя
Ж.-Ж. Руссо	Народ как коллективный политический субъект	Неотчуждаемая общая воля	Политическое сообщество граждан; различие суверена и правительства
К. Шмитт	Инстанция, принимающая чрезвычайное решение	Определение пределов действия обычного правопорядка	Конкретное политическое единство; проблема исключения из нормативного порядка

Современное государство	Конституционно признанный носитель верховной власти	Высшая политическая компетенция при распределении публичных полномочий	Государственная территория, национальная и международная юрисдикция
Цифровая платформа	Собственник или управляющая организация технической системы	Организационное регулирование и контроль доступа без общего политического верховенства	Трансграничная инфраструктура, действующая в пределах различных государственных юрисдикций

Источник: составлено на основе сравнительного анализа [1, 3, 4, 6, 7, 9, 13, 14].

Представленные различия показывают, что суверенитет нельзя определять исключительно по масштабу властного воздействия. Его содержание связано с происхождением верховной компетенции, основаниями политической обязательности и пределами самостоятельного решения. Именно эти признаки позволяют сопоставлять классические теории с современными формами негосударственного управления.

Развитие наднациональных институтов изменило условия осуществления государственного верховенства. Международные обязательства ограничивают самостоятельность политических решений, а отдельные функции управления передаются совместным органам. Однако участие государства в подобных отношениях не всегда сопровождается утратой суверенной компетенции.

Важное значение имеет различие между передачей полномочий и изменением носителя верховной власти. Международный договор может устанавливать обязательные для государства правила поведения, не создавая новой инстанции, обладающей верховной политической властью. Напротив, наднациональные институты способны получать самостоятельные полномочия в определённых областях регулирования. Их правовая природа зависит от источника компетенции и характера отношений с государствами-участниками.

Показательным примером выступает Европейский союз, в пределах которого отдельные полномочия осуществляются институтами

наднационального уровня. В установленных договорами областях право Союза обладает особыми механизмами применения, однако государства-члены сохраняют международно-правовой статус и собственные конституционные порядки. Подобная организация не укладывается в простую модель единого центра власти, но и не свидетельствует об исчезновении суверенитета.

Д. Филпотт [1] рассматривает ограничение абсолютности как одну из характерных особенностей изменения суверенной государственности. Следовательно, верховная компетенция может сохраняться при наличии правовых обязательств, регулирующих её осуществление. Возникающее распределение властных функций необходимо отличать от образования нескольких равноправных суверенов.

В концепциях постнациональной демократии Ю. Хабермаса проблема приобретает дополнительное нормативное содержание. Политические решения, затрагивающие граждан различных государств, требуют обоснования, не ограниченного ссылкой на волю одного национального сообщества. Однако расширение демократической легитимации за пределы государства ещё не означает возникновения единой мировой верховной власти.

Иначе объясняется транснациональное управление в концепции «Империи» М. Хардта и А. Негри. Здесь внимание переносится на взаимосвязанные отношения политического и экономического господства, выходящие за пределы отдельных государств. Такая интерпретация выявляет многообразие современных механизмов власти, но не устраняет вопроса о юридическом основании общеобязательных решений.

Таким образом, понятие распределённой политической власти следует отличать от представления о разделённом суверенитете. Первое характеризует наличие нескольких центров, способных воздействовать на общественные процессы. Второе предполагает изменение самой принадлежности верховной политической компетенции. Не всякое распределение регуляторных функций удовлетворяет данному условию.

Особенно отчётливо различие проявляется при делегировании отдельных полномочий частным организациям. Передача функций безопасности, технического обслуживания или организационного управления может сопровождаться значительной зависимостью государства от исполнителя. Тем не менее договорное выполнение публично значимых задач не означает самостоятельного права частной структуры определять политические основания их осуществления.

Для сохранения указанного различия требуется установить происхождение полномочий. Если организация действует на основании предоставленного законом или договором права, её компетенция имеет производный характер. Суверенитет затрагивается непосредственно тогда, когда изменяется принадлежность окончательного политического решения, а не только распределяются средства его исполнения.

Распространение цифровых платформ обнаружило новые формы зависимости публичных институтов от негосударственных организаций. Технологические компании распоряжаются инфраструктурой, посредством которой осуществляются коммуникация, обработка данных и доступ к общественно значимым услугам. Их решения могут непосредственно затрагивать политические интересы государств, хотя основания корпоративного управления существенно отличаются от правомочий суверенной власти.

С. А. Спартак [11] рассматривает цифровой суверенитет через различия национальных подходов к регулированию информационной среды. С. Фратини и соавторы [12] выделяют модели цифрового суверенитета, основанные на защите прав, рыночном регулировании, централизации и ведущей роли государства. Различия между ними свидетельствуют о том, что самостоятельность в цифровом пространстве не имеет единственного институционального выражения.

Существенное затруднение связано с определением носителя цифрового суверенитета. Э. Репетто [13] показывает, что в научной литературе

соответствующее свойство приписывается государствам, организациям и другим участникам технологических отношений. Подобное расширение понятийного содержания требует уточнения характера власти, поскольку самостоятельность распоряжения информацией не всегда совпадает с политическим верховенством.

Ч. Х. Чунг и Б. Дж. Дитрих [14] предлагают понятие корпоративного квазисуверенитета для обозначения ситуаций, когда технологические компании осуществляют политически значимые действия без предварительного делегирования соответствующих полномочий государством. Авторы рассматривают инфраструктурный контроль, самостоятельность корпоративного руководства и способность выдвигать собственные притязания на участие в публичном управлении.

Однако сходство отдельных корпоративных решений с действиями государственных институтов не является достаточным основанием для признания полноценного суверенного статуса компаний. Цифровая платформа устанавливает правила использования собственной технической системы, тогда как государственный суверенитет предполагает верховную политическую компетенцию, обладающую публично признанным нормативным основанием.

Характерным примером служит конфликт между компанией Meta и государственными органами Австралии в 2021 г., связанный с регулированием распространения новостных материалов. Ограничение распространения новостных материалов через Facebook показало, что компания может влиять на информационное взаимодействие в Австралии. Однако данное решение не сопровождалось приобретением Meta права устанавливать общегосударственные нормы. Оно обнаружило зависимость реализации публичной политики от инфраструктуры, принадлежащей частной организации [14].

Здесь проявляется различие между правом принятия политического решения и возможностью определять технические условия его осуществления. Государство сохраняет признанную компетенцию устанавливать обязательные

правила, но их исполнение может зависеть от действий компании, располагающей необходимыми материальными средствами. Следовательно, усиление негосударственного влияния не обязательно выражается в передаче суверенитета.

Ф. Пьеруччи [15] рассматривает противоречие между территориальной организацией государственной власти и трансграничным характером цифровой инфраструктуры. Технические процессы могут осуществляться вне территории государства, хотя их последствия непосредственно затрагивают отношения внутри его юрисдикции. В результате сохранение формального верховенства не обеспечивает полного контроля над условиями реализации государственных решений.

При этом укрепление технологической самостоятельности не обязательно повышает политическую легитимность. М. Браун и П. Хуммель [10] обращают внимание на необходимость учитывать права и свободы граждан при обосновании цифрового суверенитета. Расширение государственных возможностей регулирования требует нормативной оценки, поскольку эффективность контроля и правомерность его применения относятся к различным характеристикам политической власти.

Таким образом, деятельность цифровых платформ позволяет выделить особую форму негосударственного влияния — инфраструктурную власть. Она выражается в способности определять доступность и условия использования технических систем, необходимых другим участникам общественных отношений. Подобная власть способна ограничивать самостоятельность государственных решений, однако не становится суверенной только вследствие масштаба своего воздействия.

Проведённое сопоставление позволяет установить различие между суверенитетом как юридическим статусом и фактической способностью реализовывать политические полномочия. Первый характеризует признанное положение носителя верховной компетенции, вторая определяется наличием

ресурсов, институтов и организационных возможностей, необходимых для исполнения решений.

Эти характеристики взаимосвязаны, однако их совпадение не является обязательным. Государство может сохранять международно-правовую независимость при значительной экономической или технологической зависимости. Негосударственная организация, напротив, способна располагать ресурсами, имеющими существенное политическое значение, не приобретая вследствие этого публичной верховной компетенции.

Из указанного различия вытекает необходимость отделять юридическое ограничение суверенной власти от фактического. Первое возникает вследствие действия обязательных правовых норм, устанавливающих пределы самостоятельного решения. Второе связано с тем, что государство не располагает достаточными средствами для осуществления своих полномочий. В современных политических отношениях данные ограничения нередко сосуществуют, однако обладают различным происхождением.

Предложенная схема показывает, что верховная компетенция и способность её реализовывать характеризуют разные стороны политического порядка. Юридический статус определяет, кому принадлежит право общеобязательного решения, тогда как материальные условия влияют на возможность его исполнения. Данное разграничение позволяет объяснить зависимость государственной власти от наднациональных организаций и цифровых компаний без обязательного признания последних суверенными субъектами.

При определении характера негосударственной власти существенное значение приобретает происхождение полномочий. Осуществление функций, переданных организации на основании закона или договора, не создаёт самостоятельного политического верховенства. Необходимость привлечения частной организации к исполнению государственных решений также не означает передачи ей суверенной компетенции. Однако зависимость от соответствующих

исполнителей способна ограничивать реальную самостоятельность государства.

Поэтому современные изменения суверенитета целесообразно рассматривать не как последовательное исчезновение государственной власти, а как усложнение отношений между её правовыми основаниями и фактическими возможностями. Распределение управленческих функций определяет порядок осуществления власти, тогда как передача суверенитета означает изменение субъекта, которому принадлежит право принимать окончательные политические решения.

Выводы. Сравнительный анализ показал, что классические концепции суверенитета различаются преимущественно способами обоснования верховной компетенции и определения её носителя. Боден связывал суверенитет с постоянством государственной власти, Гоббс — с учреждением политического представительства, Руссо — с неотчуждаемостью общей воли народа. Несмотря на различие нормативных предпосылок, в названных теориях сохраняется представление об особом праве окончательного политического решения, которое нельзя свести к осуществлению отдельных управленческих функций.

Шмиттовская концепция чрезвычайного положения выявляет противоречия между верховной властью и пределами действующего правопорядка. Последующая философская критика показывает, что способность принимать исключительное решение не обеспечивает сама по себе его легитимности. Следовательно, определение суверенитета требует учитывать не только объём властных полномочий, но и нормативные основания их осуществления.

Современные наднациональные институты и негосударственные организации существенно изменяют условия государственной самостоятельности. Международные обязательства ограничивают свободу политических решений, а цифровые платформы способны контролировать инфраструктуру, необходимую для реализации отдельных публичных функций. Вместе с тем распределение регуляторных полномочий и технических

возможностей не всегда сопровождается передачей верховной политической компетенции.

Основной результат исследования заключается в обосновании различия между юридическим статусом суверена и фактической способностью осуществлять политическую власть. Государство может сохранять признанное верховенство при существенной зависимости от внешних ресурсов. В то же время негосударственная организация способна обладать значительным политическим влиянием без приобретения суверенного статуса. Поэтому инфраструктурную власть цифровых платформ следует отличать от государственной верховной компетенции.

Предложенная сравнительная модель позволяет определить пределы применения понятия суверенитета к современным формам политического управления. Его необходимыми признаками остаются признанное основание верховной власти, определённость компетенции и право окончательного политического решения. Территориальные и институциональные условия осуществления указанных полномочий могут изменяться, не устраняя самого различия между суверенной властью и производными формами управления.

Таким образом, современная трансформация суверенитета выражается прежде всего в усложнении отношений между юридическим верховенством и материальными возможностями политического действия. Данное обстоятельство позволяет сохранить определённость категории суверенитета при исследовании наднационального регулирования, цифровых платформ и иных форм распределённой власти.

Список литературы

1. Philpott D. Sovereignty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2024 Edition. Revised September 17, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/.

2. Мороз Е. Ф. Суверенитет государства и национальная безопасность в политической философии // Российские социогуманитарные исследования. 2025.

Т. 17. № 2. С. 233–262. DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-484.

3. Arum E., Tessarolo G. M. Jean Bodin's Demonic Constitutionalism: Sovereignty, Natural Law, and Political Theology // American Political Science Review. 2026. Vol. 120. No. 2. P. 490–503. DOI: 10.1017/S0003055425100804.

4. Odzuck E. H. The Puzzle of the Sovereign's Smile and the Inner Complexity of Hobbes's Theory of Authorisation // History of European Ideas. 2024. Vol. 50. No. 5. P. 717–732. DOI: 10.1080/01916599.2024.2304324.

5. Бондарев В. Л., Леонов А. В. Идея государственного суверенитета в философии неоевразийства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 1. Ст. m12s04a10. DOI: 10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10.

6. McMahon C. Rousseau's General Will and the Will of All: A Present-Day Perspective // The Journal of Ethics. 2025. Vol. 29. P. 533–549. DOI: 10.1007/s10892-025-09517-9.

7. Botticelli S., Dalmau I. G. El problema de la soberanía en el pensamiento político contemporáneo: arqueo-genealogía y deconstrucción // Universum. 2024. Vol. 39. No. 1. P. 155–174. DOI: 10.4067/S0718-23762024000100155.

8. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.

9. Adair-Toteff C. Schmitt on Sovereignty and the State of Exception: A Commentary on Carl Schmitt's Politische Theologie. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. 99 p. DOI: 10.1007/978-3-031-91728-8.

10. Braun M., Hummel P. Is Digital Sovereignty Normatively Desirable? // Information, Communication & Society. 2025. Vol. 28. No. 10. P. 1721–1734. DOI: 10.1080/1369118X.2024.2332624.

11. Спартак С. А. Цифровой суверенитет: основные концепции и теории в России

и мире // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 6. С. 184–189. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-6-184-189.

12. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models // Digital Society. 2024. Vol. 3. Art. 59. DOI: 10.1007/s44206-024-00146-7.

13. Repetto E. Concept ‘Stretching’ or Concept Innovation? A Review of the Usages of Sovereignty in the Digital Sovereignty Literature // Policy & Internet. 2025. Vol. 17. No. 3. Art. e70011. DOI: 10.1002/poi3.70011.

14. Chung C. H., Dietrich B. J. Corporate Quasi-Sovereignty: Big Tech and the Politics of Sovereign Authority in the Digital Age // Policy Studies Journal. 2026. Vol. 54. No. 3. Art. e70142. DOI: 10.1111/psj.70142.

15. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // Digital Society. 2025. Vol. 4. Art. 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4.

References

1. Philpott D. Sovereignty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2024 Edition. Revised September 17, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/.

2. Moroz E. F. Suverenitet gosudarstva i nacional`naya bezopasnost` v politicheskoj filosofii // Rossijskie sociogumanitarny`e issledovaniya. 2025. T. 17. № 2. S. 233–262. DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-484.

3. Arum E., Tessarolo G. M. Jean Bodin’s Demonic Constitutionalism: Sovereignty, Natural Law, and Political Theology // American Political Science Review. 2026. Vol. 120. No. 2. P. 490–503. DOI: 10.1017/S0003055425100804.

4. Odzuck E. H. The Puzzle of the Sovereign’s Smile and the Inner Complexity of Hobbes’s Theory of Authorisation // History of European Ideas. 2024. Vol. 50. No. 5. P. 717–732. DOI: 10.1080/01916599.2024.2304324.

5. Bondarev V. L., Leonov A. V. Ideya gosudarstvennogo suvereniteta v filosofii neoevrazijstva // E`konomicheskie i social`no-gumanitarny`e issledovaniya. 2026. T.

13. № 1. St. m12s04a10. DOI: 10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10.

6. McMahon C. Rousseau's General Will and the Will of All: A Present-Day Perspective // The Journal of Ethics. 2025. Vol. 29. P. 533–549. DOI: 10.1007/s10892-025-09517-9.

7. Botticelli S., Dalmau I. G. El problema de la soberanía en el pensamiento político contemporáneo: arqueo-genealogía y deconstrucción // Universum. 2024. Vol. 39. No. 1. P. 155–174. DOI: 10.4067/S0718-23762024000100155.

8. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Suverenitet cifrovogo prostranstva obshhestvenno-politicheskix kommunikacij v sovremennoj Rossii i ego klyuchevy`e komponenty`: po materialam e`kspertnogo issledovaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Politologiya. 2025. T. 27. № 3. S. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.

9. Adair-Toteff C. Schmitt on Sovereignty and the State of Exception: A Commentary on Carl Schmitt's Politische Theologie. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. 99 p. DOI: 10.1007/978-3-031-91728-8.

10. Braun M., Hummel P. Is Digital Sovereignty Normatively Desirable? // Information, Communication & Society. 2025. Vol. 28. No. 10. P. 1721–1734. DOI: 10.1080/1369118X.2024.2332624.

11. Spartak S. A. Cifrovoj suverenitet: osnovny`e koncepcii i teorii v Rossii i mire // Social`no-politicheskie nauki. 2025. T. 15. № 6. S. 184–189. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-6-184-189.

12. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models // Digital Society. 2024. Vol. 3. Art. 59. DOI: 10.1007/s44206-024-00146-7.

13. Repetto E. Concept 'Stretching' or Concept Innovation? A Review of the Usages of Sovereignty in the Digital Sovereignty Literature // Policy & Internet. 2025. Vol. 17. No. 3. Art. e70011. DOI: 10.1002/poi3.70011.

14. Chung C. H., Dietrich B. J. Corporate Quasi-Sovereignty: Big Tech and the Politics of Sovereign Authority in the Digital Age // Policy Studies Journal. 2026. Vol. 54. No.

3. Art. e70142. DOI: 10.1111/psj.70142.

15. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // Digital Society. 2025. Vol. 4. Art. 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4.

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 08.09.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 08.09.2026; accepted for publication 01.10.2026.